

Сергей Шойгу рассказал, как спасали российскую армию

Министр обороны РФ: «Мы сразу договорились – надо прекратить врать!»

вчера в 09:00, просмотров: 148411

«Это первое развернутое интервью, которое я даю за семь лет!» — сказал мне министр обороны РФ, Герой России, генерал армии Сергей Шойгу перед началом нашего почти двухчасового разговора. Лишний раз порадовавшись тому, как сильно мне повезло, я в то же самое время совсем не удивился тому, что пауза в общении министра с представителями четвертой власти так сильно затянулась.

Фото: Минобороны.

Все мы помним, на каком эмоциональном фоне осенью 2012 года Сергей Шойгу был назначен на должность руководителя российского оборонного ведомства. И все мы знаем, какой длинный, нелегкий и тернистый путь наши Вооруженные силы прошли за этот крошечный с точки зрения истории период. Сегодня армия — это больше не «больной человек» российского общества и не предмет язвительных насмешек со стороны иностранцев. Сегодня армия России вернула себе уважение — и со стороны друзей, и со стороны потенциальных и реальных врагов.

Как не раз подчеркивал сам Сергей Кужугетович, без поддержки и личного участия Владимира Путина ему бы ничего не удалось добиться в плане создания в России современной армии. Но, как хорошо знают все специалисты по государственному управлению, просто получить поддержку президента — недостаточно. Этой поддержкой надо еще уметь грамотно распорядиться. Как именно Сергею Шойгу это удалось? И что ждет наши Вооруженные силы и нашу страну впереди? Обо всем этом и об очень многом другом министр обороны России рассказал в эксклюзивном интервью «МК».

— Сергей Кужугетович, я принадлежу к той части граждан РФ, которые живут под девизом «лишь бы не было войны». А боится ли войны министр обороны России?

— Конечно, война — это страшная вещь. Я так говорю потому, что очень хорошо знаю, что это такое. Впервые столкнулся с войной в 1992 году, когда было поручено создать миротворческие силы в Южной Осетии. И мы это сделали. Осетино-грузинский конфликт стал первой войной на территории бывшего Советского Союза, которая была быстро и успешно остановлена. Потом были Абхазия, Приднестровье... Там тоже удалось развести стороны и остановить боевые действия и вывезти огромное количество наших соотечественников. А ведь там шли практически полномасштабные войны.

1992 год, Абхазия. Фото: mil.ru

Сюда надо добавить еще Боснию и Герцеговину, другие конфликты в бывшей Югославии, войну в Афганистане. Имея возможность видеть все это изнутри в течение многих лет, я убежден: безопасность страны зависит в первую очередь от того, насколько сильна ее армия и насколько она в состоянии защитить свою страну. А еще — от уверенности граждан в своей армии.

Естественно, я такой же, как и вы, сторонник того, чтобы не было войны. Но чтобы ее не было, наша армия должна быть очень сильной, хорошо вооруженной и оснащенной и, что особенно важно, внутренне готовой защищать свою Родину.

— Сколько я себя помню, считалось: наша армия — это государственный институт, который находится в наиболее глубоком, системном, можно сказать, даже безнадежном кризисе. А потом вдруг в какой-то момент в общественном сознании что-то щелкнуло, и все изменилось словно по волшебству. Как вы можете это объяснить?

— Возрождение армии не было моментальным. Началось все с осознания ее плачевного состояния в 1999 году, после вторжения бандформирований Басаева и Хаттаба в Цумадинский и Ботлихский районы Дагестана. И тогда председатель правительства Владимир Путин, при ограниченных на то время наших возможностях, начал принимать принципиальные решения по реформированию наших Вооруженных сил. Дальше были события уже 2008 года — вероломное нападение грузинских войск на Южную Осетию, гибель под огнем грузинских «Градов» наших миротворцев и ответные действия группировки российских войск по принуждению Грузии к миру. В дальнейшем по результатам анализа этой операции были приняты системные решения в области военного строительства. Прежде всего, по формированию и финансированию новой государственной программы вооружения.

Вопросы строительства и подготовки Вооруженных сил, оснащения современным оружием и развития оборонно-промышленного комплекса находятся на постоянном контроле у нашего президента. Начиная с 2013 года, как бы ни был насыщен рабочий график, президент осенью и весной заслушивает в Сочи руководящий состав Вооруженных сил, представителей ОПК и профильных руководителей в Правительстве РФ по всем аспектам военного строительства и обеспечения военной безопасности страны.

Поэтому никакого волшебства не было. Были большие и не очень большие, заметные и не совсем заметные шаги по комплексному преобразованию армии. Нашей ключевой задачей было синхронизировать все аспекты подготовки и строительства войск, включая подготовку профессиональных кадров и поставки современного вооружения. Проанализировали текущие и перспективные угрозы, а также возможности армии защитить от них нашу страну. Разобрались с состоянием войск вплоть до каждой воинской части. И результатом этой сложной работы стала разработка ряда программных документов, в том числе плана обороны.

Дальше началась работа с, казалось бы, лежащих на поверхности вопросов, которые я задавал командирам.

Вопросы эти были простыми и понятными: почему боец должен ходить в баню и мыться один раз в неделю? Почему он должен менять белье только раз в неделю, проводя при этом все свое время с утра до ночи на полигоне? Почему солдатская чайная непременно должна быть в другом конце воинской части и чтобы попить чаю, солдату нужно пройти через плац, рискуя получить при этом пару нарядов вне очереди? Почему стирать портянки и подворотнички или нательное белье бойцы должны в рукомойниках? Разве нельзя во все казармы поставить стиральные машины? И почему вообще в третьем тысячелетии — портянки?

Естественно, смысл реформирования армии заключался не только в улучшении жизни бойцов. У наших действий была еще и жесткая военная необходимость, продиктованная сокращением срока службы по призыву до одного года. Если служба длится только один год, то учеба должна быть более интенсивной. Значит, надо максимально избавить бойцов от выполнения несвойственных задач. Они должны перестать с утра до ночи убирать снег или собирать листья. В пунктах постоянной дислокации должны прекратить ходить в наряды на кухню или заниматься мытьем санузлов допотопными средствами. Осознав все это, мы пошли на то, чтобы за год установить в казармах почти 35 тысяч душевых кабин, 16 тысяч стиральных машин и 21 тысячу пылесосов. Купили самую современную технику для влажной уборки и организовали питание по системе «шведский стол». Разработали, заказали производство на отечественных предприятиях и выдали всем военнослужащим удобное и качественное полевое и повседневное обмундирование из современных материалов. Наличие такой техники там, где раньше всегда были лишь швабра и ведро, теперь воспринимается как вполне нормальное и обыденное дело. И так постепенно, постепенно по всем направлениям.

Во время интервью: с политическим обозревателем «МК» Михаилом Ростовским. Фото: mil.ru

— И ключевым стало возвращение нашей армии реальной боеспособности?

— Все делается ради этого. Прежде всего, мы добились необходимого нам уровня интенсивности обучения подразделений. Сегодня все полигоны загружены более чем на 80 процентов. Это потянуло за собой и необходимость изменить нормативы расхода боеприпасов, который у нас на то время был в разы меньше, чем на Западе. Оставлять его таким означало обесмысливать весь процесс боевой учебы. Детально изучив опыт Советской Армии, нормативы армий западных стран, мы увеличили нормативы по расходу боеприпасов на боевую подготовку в 5 раз. И результат вы видите.

Вскоре на повестке дня появился вопрос: как мы можем объективно оценить реальную отдачу от принимаемых нами мер? Мы в руководстве Министерства обороны пришли к единому мнению: необходимо проводить действительно внезапные проверки боеготовности. Доложили наше предложение Верховному главнокомандующему и получили поддержку — проверки действительно стали внезапными от батальона до армии и военного округа. Про их

подготовку знали три человека: я, начальник Генерального штаба и тот, кто планировал внезапную проверку. Мы сразу договорились: надо прекратить, грубо говоря, врать. Искаженная информация была общим бичом. Много скрывалось или искажалось.

Раньше вся подготовка проводилась только на технике учебно-боевой группы, то есть танках, БМП, которые все знали как «отче наш». Выезжали на знакомый полигон, знали, на какую риску поставить прицел, чтобы поразить мишень, которая находится буквально в «соседнем огороде». Проще говоря, все можно было сделать с закрытыми глазами. А фактически, при формально хороших показателях, стреляли из штатной боевой техники неважно.

Догадайтесь теперь, что произошло, когда мы провели первую внезапную проверку, подняли десятки тысяч людей по всей стране и перебросили их вместе со штатной техникой на очень большие расстояния на незнакомые полигоны? Во время той проверки подразделения вышли на незнакомые полигоны не на учебной, а на штатной технике. Ни одно из них — еще раз подчеркиваю, ни одно (!) — не выполнило нормативы на «удовлетворительно». О том, как мы вылезали из этой ямы, я мог бы рассказывать долго. Но в целях экономии времени остановлюсь и скажу лишь главное.

Ценой невероятных усилий руководства страны и руководства Минобороны мы добились того, чтобы наша армия стала такой, какая она есть сегодня, — армией постоянной готовности. У нас сейчас все подразделения — подразделения постоянной готовности.

Параллельно с преобразованием самой армии по решению президента выполнялась и программа модернизации военно-промышленного комплекса для переоснащения войск на современную технику и вооружение. И сегодня я уже не сомневаюсь, что уровень оснащенности войск современным вооружением к 2020 году мы доведем до 70 процентов, увеличив его с 2012 года почти в 4 раза. Безусловно, для реализации такой масштабной программы нужно было создавать и самые современные системы контроля ее исполнения от станка на предприятии или суммы на банковском счете по линии гособоронзаказа до конкретной единицы вооружения, поставляемой в воинскую часть. Это ведь сотни тысяч позиций для непрерывного круглосуточного контроля и при необходимости оперативного принятия мер. В частности, и для их решения в кратчайшие сроки был создан Национальный центр управления обороной страны, который в круглосуточном режиме контролирует с помощью высокотехнологичной автоматизированной системы ход выполнения гособоронзаказа, боевых и обеспечивающих задач.

— Очень много престижа российским Вооруженным силам добавила развернувшаяся гражданская война в Сирии деятельность наших ВКС. Но можно ли на основании этого отдельного эпизода с большим, но все же ограниченным числом участников с нашей стороны судить об общем положении дел в нашей армии?

— Те, кому кажется, что в Сирии мы воевали с кучкой фанатичных и примитивных боевиков, сильно ошибаются. Мы воевали с крупнейшей многотысячной террористической организацией, точнее сказать — системой. Напомню, что она пользовалась поддержкой заинтересованных в нестабильности региона отдельных стран. У террористов на вооружении были сотни танков, реактивные системы залпового огня, бронемашин и сотни тысяч тонн боеприпасов, которые в прежние годы были захвачены у армий Ирака и Сирии, были сотни подготовленных джихадистов-смертников. Была самая современная техника, включая аппаратуру связи и оборудование для разведки. У них была отлаженная международная система эвакуации раненых, работающий механизм сбора налогов на захваченных территориях, работал свой «черный рынок» торговли артефактами.

Очень существенную роль в обеспечении деятельности террористов играли доходы от незаконной продажи нефти. До момента подключения Российской Федерации к борьбе с международным терроризмом в Сирии в Заевфратье игиловцами, под носом у международной коалиции, добывалось более 100 тысяч баррелей нефти в сутки. А реализация этого сырья приносила террористам ежедневный доход более 5 миллионов долларов.

2017 год, на авиабазе Хмеймим в Сирии. Крайний справа — президент этой страны Башар Асад. Фото: mil.ru

В Сирии нам надо было учиться воевать по-новому. И мы этому научились. Если говорить об истребительной, армейской, штурмовой, дальней и транспортной авиации, то через боевые действия в Сирии прошло практически 90% всего летного состава. У нас есть те, кто имеет 150–200 боевых вылетов — и это помимо всех тех, кто занимался обеспечением их полетов на земле. Было время, когда темпы поставки грузов в Сирию доходили до двух тысяч тонн в сутки. А это флот, это транспортная авиация, это работа наших баз обеспечения, портов, это передислокация, прием и обслуживание техники. Это привлечение представителей нашей промышленности и науки: доходило до того, что в Сирии одновременно работали представители более чем 70 предприятий, инженеры, конструкторы, устранявшие недостатки техники на месте.

По результатам этой работы президент давал прямые поручения на доработку или усовершенствование отдельных характеристик у некоторых образцов вооружений. Так было и с нашими крылатыми ракетами «Калибр», вооружением дальней авиации и подводных лодок.

Наверное, вы заметили, что за всю историю существования авианосного флота Советского Союза и России в Сирии он был впервые применен в боевых условиях. Если говорить о применении высокоточного оружия, то, например, раньше для загрузки полетного задания в крылатую ракету «Калибр» требовалось столько времени, что цель могла уйти. А сегодня время загрузки полетного задания в «Калибр» уменьшилось, подчеркну, кратно. И эта работа на уменьшение времени для передачи целеуказаний ведется постоянно.

У нас через Сирию прошли командиры полков, бригад, дивизий, командующие армиями, командующие войсками военных округов, руководители центральных органов военного управления Минобороны, а также профессорско-преподавательский состав практически всех высших военных учебных заведений. По итогам боевых действий в Сирии у нас, естественно, был проведен большой разбор полетов, и не один, и не десять. Могу вам сказать, что около 300 типов вооружения были доработаны с учетом сирийского опыта, а 12 образцов, которые считались перспективными, мы просто сняли с производства и с вооружения.

— Насколько вероятным вы считаете участие России в каком-либо полномасштабном вооруженном конфликте в ближайшем будущем? И на каких стратегических направлениях России, по вашей оценке, грозит наибольшая опасность в ближайшем будущем?

— Вопрос, который вы задали, непростой. Возможно, он не для такого интервью, как наше. Но все же постараюсь на него ответить. Я надеюсь, что о полномасштабной войне сегодня вопрос не стоит. И все риски и последствия, которые повлечет за собой такая полномасштабная война, очевидны каждому. По поводу третьей мировой войны есть очень большое количество самых разных высказываний. Наиболее точным и адекватным из них мне представляется такое: «Я не знаю, какой именно будет третья мировая война. Но я точно

знаю, что она будет последней». Однако если говорить о количестве угроз для нашей страны, то их не становится меньше. США уже вышли из двух важных договоров в сфере контроля над ядерным оружием. Пока остался договор СНВ-3, о котором в США тоже идут дискуссии: продлевать его или не продлевать? В результате такого подхода мир становится все более непредсказуемым и менее безопасным. При сегодняшнем уровне информатизации и автоматизации высока вероятность ошибки в системе управления вооружением. Именно поэтому в последнее время на первый план вышли вопросы обеспечения информационной безопасности. Когда ты осознаешь свою уязвимость и заинтересован в сохранении баланса и всеобщей равной безопасности, это заставляет тебя включать голову. А когда ты считаешь, как это по инерции продолжают считать в США, что баланс сил сложился в твою пользу, в голову могут прийти самые разные идеи, включая не самые разумные. Именно в этой ситуации я вижу сейчас главную угрозу, и не только для России.

— В Киеве периодически можно слушать угрозы «триумфально въехать в Москву на танковой броне». Есть ли опасность прямого военного столкновения между армиями России и Украины?

— Даже думать об этом не хочу. Очень надеюсь, что у украинского народа и у украинской власти хватит воли, сил и возможностей остудить те горячие головы, которые призывают к подобной глупости и сумасшедшему сюжету. Когда-то экстремистов на Украине все равно придется останавливать. Жаль только, что это не было сделано раньше.

Но вернусь к вашему вопросу. Украинцы — братский народ. Мои родственники по линии мамы — с Украины. Там похоронен мой дед. В Великую Отечественную мама пережила там оккупацию. С Украины мамины братья ушли на фронт. И, кстати, крещен я был в 5-летнем возрасте в одном из храмов города Стаханов Луганской области. И я абсолютно убежден, что с украинским народом мы будем жить в мире и добрососедстве. Время для этого, я уверен, придет.

— Можно ли считать завершенным процесс преобразований в наших Вооруженных силах? Или понятие «военная реформа» по-прежнему является актуальным для нашей страны?

— Понятие «военная реформа» должно быть актуальным для России всегда. Мир вокруг нас постоянно меняется. И мы должны очень чутко улавливать эти изменения и меняться сами. Что произойдет в случае, если мы не будем этого делать, можно понять на примере нашей недавней истории.

В начале нашего разговора вы совершенно справедливо заметили, что еще недавно Российская армия находилась в состоянии упадка. Почему это произошло? Есть причины непосредственные, о которых все знают. Глубокий кризис всего общества и государства в 80–90-х годах прошлого века. Спешный вывод войск и техники из Восточной Европы на абсолютно необорудованные площадки. Отсутствие жилья. Моральные страдания и унижения тех, кто всю жизнь готовился защищать Родину и вдруг столкнулся с полным крушением своих планов и перспектив, со своей ненужностью, с отсутствием защиты со стороны государства.

Но у произошедшего были и другие, более глубокие причины. Мы вовремя не поняли и очень долго не понимали суть того, что происходило вокруг нас. Позволю себе даже еще больше заострить свою мысль. Если бы Запад продолжал себя вести так, как он начал себя вести во времена Горбачева, — выполнял бы все свои обещания, не стал бы продвигать НАТО к нашим границам все ближе и ближе, не расширял бы свое влияние в нашем ближнем зарубежье, не лез бы во внутренние дела нашей страны, — то, мне кажется: им в конце концов удалось бы все. Им бы удалось решить ту задачу, которую они перед собой ставили, — задачу разрушения и порабощения нашей страны. Как это фактически сделано с «младоевропейцами» и бывшими советскими республиками.

— То есть, с вашей точки зрения, нам повезло, что Запад очень вовремя обнажил свои истинные, далеко не вегетарианские намерения?

— Нам повезло в том, что мы все-таки сумели вовремя остановиться. Начался процесс возвращения к здравому смыслу, как я уже сказал, в 1999 году. Начиная с этого момента, мы трудно, тяжело, на зубах, но все-таки добились того, что мир сегодня перестал быть однополярным. И это, естественно, очень не нравится Западу, который прикладывает все усилия, чтобы вернуть себе монополию на влияние в мире. Кто-то считает, что открытое масштабное противодействие Западу к России началось только пять лет назад — с Украины и Крыма. Но это ошибка. Можно порекомендовать детально вспомнить, что именно происходило в 90-е, в 2008-м, 2013 годах. Какой только чуши не говорили и не писали о нас в период, когда мы готовились к Олимпийским играм в Сочи! И это было проявлением отнюдь не только

информационной войны.

Не хочу углубляться в частности. Но смысл происходящего, с моей точки зрения, состоит в следующем: на Западе уже давно созданы лекала и алгоритмы свержения любой неудобной для них законной власти в любой стране. Конечно, все это делается под лозунгом продвижения демократии. Ну вот в какой стране, куда они «пришли с демократией», эта демократия прижилась: в Ираке, Афганистане или Ливии? Или в бывшей Югославии, которую они своими «демократическими» бомбардировками в 1999 году насильно расчленили на 6 стран. А уж про суверенитет и независимость после любого американского вмешательства можно просто забыть. И удивляет ли кого-нибудь, что в той же Ливии большинство месторождений нефти принадлежит американским или подконтрольным США компаниям? Наши западные коллеги любят обвинять Россию в ведении каких-то там «гибридных войн». Но должно быть сказано, что реальные гибридные войны ведет как раз сам Запад. Сейчас, например, оставляя Афганистан в полуразрушенном состоянии, американцы старательно устраивают суету в Венесуэле — тоже, разумеется, ради «торжества демократии»!

— Американский военный бюджет превосходит российский в десятки раз. Может ли Россия в принципе в таких условиях эффективно противостоять Америке?

— На этот вопрос уже обстоятельно и аргументированно ответил наш Верховный главнокомандующий. Не просто может — Россия уже вполне эффективно противостоит Америке. Противостоит благодаря нашей науке, нашей промышленности, нашим новым разработкам. А кроме этого, мы не пытаемся соперничать с ними на всех фронтах. Если вы разложите военный бюджет США по полочкам, к вам придет понимание: огромные затраты у них идут на разного рода базы, раскиданные по всему свету. Таких баз у Америки 170. Одни только американские затраты на ту же операцию в Афганистане почти равны нашему годовому оборонному бюджету. Гигантские деньги тратятся США на частные военные компании, на авианосные группировки. Но вот нужны ли России свои пять-десять авианосных группировок, если мы не собираемся ни на кого нападать? Нам нужны средства, которые потенциально могут быть использованы против подобных авианосных групп противника в случае агрессии на нашу страну. А это несравненно дешевле и эффективнее!

Я вам привел только несколько отдельных фактов. Но даже исходя из них ясно, что нам не нужно сравнивать наш оборонный бюджет с американским. По размеру оборонного бюджета мы вообще только на седьмом месте в мире. Впереди нас по этому показателю и Саудовская Аравия, и, между прочим, Япония. Главное, что мы вполне эффективны в наших военных тратах, которые очень точно расходуются и находятся под пристальным контролем нашего Верховного главнокомандующего.

— Ваш бывший коллега по правительству и нынешний глава Счетной палаты Алексей Кудрин периодически выступает с тезисом о том, что нынешний уровень оборонных расходов и расходов на ОПК является неподъемным бременем для экономики России. Что вы об этом думаете?

— В советское время было такое произведение у Михаила Михайловича Жванецкого. Дословно я его не вспомню. Но смысл заключался в том, что колбасы у нас мало, а нас много. Штанов мало, а нас самих много. Мыла у нас мало, а нас много. Вывод: нас должно меньше быть. Стенания на тему, что у нас раздутый оборонный бюджет, построены, как мне представляется, на очень схожей логике. Надо бояться не больших расходов, а маленьких доходов, и именно над этим надо работать нашим экономистам. Некоторое время назад было очень модно выступать на тему, что наше сельское хозяйство — это «черная дыра», которая поглощает все вкладываемые в нее деньги, но не дает никакого обратного эффекта. Сейчас об этой «черной дыре» почему-то больше не говорят. Сейчас все гордятся тем, что у нас большие урожаи, что мы страну кормим сами. Но вот возникло бы подобное положение дел, если бы ранее в сельское хозяйство не были вложены значительные инвестиции?

Вернемся к делам армии. Наши Вооруженные силы уже были сокращены почти в два раза. Нам предлагается руководствоваться некими размытыми критериями — много, необоснованно много, чрезмерно много. Но я не знаю таких единиц измерения! Зато мне есть что вспомнить о том моральном состоянии армии, которое было в 2012 году, а не в голодные 90-е. Тогда против министра обороны было подано офицерами 124 тысячи судебных исков. И это при том, что всего офицеров у нас в то время было 157 тысяч. 80% этих судебных исков были связаны с задержкой денежного довольствия на срок от трех до пяти дней и более. У вас это укладывается в голове?

Конечно, экономией государственных средств надо постоянно заниматься. Когда вскоре после назначения на пост министра мы начали вплотную заниматься нашим жилищно-коммунальным хозяйством, поняли, что нет никакого учета ресурсов. Как только установили

120 тысяч приборов учета, расходы на ЖКХ упали в разы. Почему ни один умный экономист, рыночник или финансист не подсказал нам этого раньше: в армии нет приборов учета. Армию, а значит, государство за счет этого просто обдирали как липку.

2019 год, Парад Победы. Фото: mil.ru

Примеров экономии государственных средств я могу привести еще очень много, начиная с, казалось бы, элементарного. Зачем солдату, который служит один год, шить парадно-выходную форму, а это шерстяной китель, брюки, фуражка, комплект рубашек и ботинки, если он их наденет в лучшем случае один раз? Мы избавились от пошива таких комплектов для обеспечения более полумиллиона бойцов каждый год.

Поэтому предлагаю обсуждать не надуманные общие тезисы, а конкретные и насущные вопросы и дела. Просто говорить «расходы на оборону избыточны» — следовать давно прошедшей моде. Это все равно что в сегодняшних условиях жизни носить кримпленовый пиджак, который считался самым последним пискom моды в 1972 году. И вообще, как сказал классик, «давайте спорить о вкусе устриц с теми, кто их ел».

— Конкретный и приземленный вопрос: светит ли России отмена обязательного призыва на военную службу?

— В принципе это возможно. Но не считаю такое решение правильным. Абсолютно убежден, что какое-то количество военнослужащих по призыву у нас должно быть в любом случае. В любом суверенном государстве помимо действующих военнослужащих-профессионалов должен иметься и мобилизационный резерв из числа граждан. За счет такого резерва в случае угрозы начала войны можно достаточно быстро усилить Вооруженные силы. Для формирования такого резерва организуется военная подготовка мужского населения.

К тому же у людей есть ощущение причастности к защите своей страны. А если армия будет восприниматься исключительно как один из способов неплохо заработать, этого нравственного стержня у них точно не будет.

Срочная служба, или служба по призыву, — одна из эффективных форм военной подготовки граждан, освоения ими военной специальности прямо в войсках. Ничего в этом необычного и тем более страшного нет. Так было на протяжении всей истории, и не только в России. В Израиле служат все юноши и все девушки! И никто этим не возмущается. Другое дело, что Российская армия и дальше будет неизбежно профессионализироваться. У нас уже сегодня количество профессионалов среди рядового и сержантского состава превышает число тех, кто пришел служить по призыву.

В дальнейшем баланс будет еще сильнее меняться в сторону профессионалов. Исхожу не из неких абстрактных идеологических принципов, а из совершенно прагматичных соображений. Есть техника, обслуживать которую может только специалист, чья подготовка занимает от восьми до восемнадцати месяцев. Таким специалистом просто не может быть призывник. Мы же не можем его восемь месяцев готовить для того, чтобы он полноценно прослужил всего

четыре месяца!

— А изжита ли в армии проблема дедовщины?

— Сейчас в армии просто нет почвы для дедовщины. Есть, конечно, случаи бытового и казарменного хулиганства. При наличии большого желания эти случаи можно поднять на щит и носить по всем сценическим и митинговым площадкам. Мол, смотрите, один солдат ударил другого! Но такие ситуации гораздо более многочисленны среди гражданских лиц в любом городе. Главное в том, что в нашей миллионной армии преступность на порядок, повторю — на порядок меньше, чем в любом городе-миллионнике. И это сухая статистика.

— Удалось ли преодолеть развал в системе военного образования?

— Удовлетворен тем, что нам удалось сделать с системой военного образования, причем не только высшего, но и довузовского. Второго сентября открылись очередные учебные заведения: Кемеровское президентское кадетское училище (мы построили его всего за шесть месяцев) и пансион воспитанниц в Санкт-Петербурге. Новое училище мы откроем в следующем году в Калининграде, тем самым завершив выполнение поручение президента о создании при каждом флоте филиала Нахимовского училища. Мы построили совершенно новую академию Ракетных войск стратегического назначения. Это одно из самых современных учебных заведений. Завершили реконструкцию Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии и создание в ее составе сверхсовременной многопрофильной клиники с кафедрой кибернетической медицины для обучения специалистов в области телемедицины. Сейчас приступаем к созданию современного образовательного и научного центра Военно-морского флота.

Практически полностью поменяло свой облик и учебную базу Рязанское высшее воздушно-десантное училище. В результате всего этого и многого другого мы вышли на необходимый нам уровень набора офицеров в наши учебные заведения. А в этом году был первый полноценный необходимый армии выпуск из наших академий и высших военных училищ. Напомню, что все это строго синхронизировано с поставками в войска современной военной техники, другого вооружения и созданием военной и социальной инфраструктуры.

— В прошлом году было создано Главное военно-политическое управление. Чем вызвано такое очевидное возвращение к практике советского ГлавПУРа?

— Советский ГлавПУР и нынешнее военно-политическое управление — это «две большие разницы». Необходимость создания нового управления стала очевидной тогда, когда мы увидели, насколько активно Запад лезет в дела армии — лезут совершенно бесцеремонно и беспардонно. Армия есть армия. Если погрузиться в историю, то крах многих государств начинался с развала армии. У нас есть подразделения специального назначения, которые проводят специальные операции. В этих операциях, бывает, ребята и получают ранения, и гибнут, равно как и в других подразделениях. И вот представьте себе, что некие люди по указке из-за рубежа начинают лезть в их семьи, лезть на кладбища. Попытки внедрения в

наши сети связи ежедневно исчисляются несколькими сотнями. В таком же режиме в информационное пространство нашей страны и всего мира вбрасываются фейковые новости о нашем министерстве и Вооруженных силах. То мы якобы нанесли удар по больнице, то мы якобы готовимся к захвату той или иной страны. То у нас десятки гробов прибыли куда-то, то у нас кто-то из начальства, руководства Минобороны чего-то там сотворил. Все это — психологическое давление на военнослужащих. Мы с вами уже говорили про гибридные войны. Это один из инструментов гибридных войн, один из применяемых против нас видов оружия. Например, в Таллине был создан центр передового опыта НАТО в области компьютерной безопасности, в Риге действует центр стратегических коммуникаций НАТО.

Смысл таких действий заключается в том, чтобы попытаться создать в армии настроения типа тех, которые существовали, скажем, в армии 1916 года. Это требует самого энергичного противодействия. И чтобы оказывать это противодействие, и было создано управление, которое вы окрестили «новым ГлавПУРом». Хочу вас заверить: в отличие от своего советского предшественника «новый ГлавПУР» не лезет в личные дела военнослужащих, в которые лезть не надо. Вместо этого он налаживает нормальную жизнь в гарнизонах. Культурная и творческая жизнь, отношения между офицерами и солдатами, отношения молодежи к армии — все это входит в компетенцию нового управления. Например, мы начали создавать парки «Патриот». Простая, казалось бы, вещь, но очень эффективная. Три года назад мы начали создавать Юнармию, а сегодня она насчитывает уже более 500 тысяч ребят и девочек. В этом году мы решили создать детско-юношеские патриотические лагеря — летнего отдыха и спорта. Тысяча шестьсот шестьдесят таких лагерей появилось в этом году. Это тоже сфера ведения «нового ГлавПУРа».

— Давайте вернемся к высокой политике. В последние годы Россия и Америка никак не могут наладить диалог на высшем политическом уровне. А насколько легко находят общий язык профессиональные военные двух стран?

— Там, где это требуется, — например, в Сирии — мы каждый день находимся в контакте. И мы абсолютно четко понимаем друг друга и не пересекаем ту черту, которую мы договорились не пересекать. В Сирии мы, кстати, находимся в постоянном контакте не только с военными США, но и с военными Турции и Израиля. И здесь все отлажено. С американскими военными у нас также есть контакты на уровне Генерального штаба. Также эти контакты, в общем-то, довольно конструктивны. Очень надеюсь, что мы с США выйдем и на контакты более высокого уровня. Конечно, приходится учитывать происходившие смены министров обороны у США и их союзников. При создании тесных рабочих связей это вызывает определенные трудности.

— В 2015 году турецкие военные сбили наш бомбардировщик. Сегодня мы поставляем Турции наши самые современные системы вооружения. Я понимаю, что государственные интересы постоянно меняются и не терпят сантиментов. Но не обернется ли в будущем наше сотрудничество с Турцией против нас?

— Я считаю, что вы сами по большей части ответили на заданный вами же вопрос: ничего не стоит на месте. К сказанному вами добавлю только старую народную мудрость: соседей не выбирают. Вы можете выбирать себе жену и друзей, но не соседей. С соседями лучше жить в мире и согласии и каким-то образом совместно обеспечивать безопасность общего пространства. В сегодняшних условиях у России и Турции есть общие интересы и общие угрозы в виде полчищ террористов. С этими общими угрозами, как показывает практика, лучше бороться вместе.

— Этой осенью исполнится семь лет с момента вашего назначения на пост министра обороны. Вы помните ваши первые мысли и эмоции после того, как президент предложил вам эту должность?

— Конечно, помню. К этому времени я работал на посту губернатора Московской области. Настроился на работу, которая позволила бы мне созидать, осуществить, наконец, проекты, которые давно были у меня в голове, в том числе по линии Русского географического общества. Не скрою, предложение президента занять пост министра обороны было для меня очень неожиданным. А еще я ощутил громадный груз ответственности. Я понимаю, что президент оказал мне огромное доверие, которое стараюсь оправдывать.

— Я знаю, что вы не любите критиковать своего предшественника Анатолия Сердюкова. Но как вы можете оценить тот багаж, который достался вам в наследство? Был ли этот багаж в основном положительным или в основном отрицательным?

— Вы правы в том, что я никогда не занимался, не занимаюсь и не буду заниматься критическим публичным оцениванием работы своих бывших и действующих коллег и

предшественников. Придерживаюсь этого правила потому, что как никто другой знаю, насколько это непростая и сложная работа. Конечно, на этой работе могут быть и ошибки, и просчеты. Они наверняка есть и у нас. Единственный способ не ошибаться — это, как известно, ничего не делать, что само по себе уже является большой ошибкой.

— Вы не просто главный долгожитель российского правительства. Вы министр, который на протяжении многих лет сохраняет удивительный уровень популярности в обществе. Как подобный «феномен Шойгу» объясняет сам Шойгу?

— Мне кажется, что будет неправильно и нескромно, если я начну рассуждать про «феномен». Могу вам сказать одно: где бы ни работал, всегда стремился работать с максимальной отдачей и добиваться результата. Может, это связано с тем, что так воспитали меня мои родители, или с моей первой профессией строителя, которая требует от тебя конкретного результата — ввода в строй предприятия. Меня больше волнует, насколько я эффективен и полезен. Гораздо важнее говорить о популярности Вооруженных сил. К достижению этой цели прикладывают огромные усилия десятки тысяч моих коллег, которым я за это очень благодарен. У нас сложился достойный корпус главкомов видов Вооруженных сил, командующих войсками военных округов и родов войск. Вместе у нас очень многое получается.

Фото: mil.ru

— В нынешний период внутриполитического обострения особо популярны яркие, громкие, но совсем не обязательно подкрепленные реальными фактами «разоблачения» различных политических фигур. Это коснулось и вас... Как вы к этому относитесь?

— Что касается лично моего отношения к распространению лживых слухов — часто можно слышать: подавайте в суд. Но сегодняшняя ситуация выглядит абсурдно — кто-то тебя обгадил, а ты должен идти в суд и потом месяцами, на радость заказчикам, разбирать эту ложь на публике, но еще и должен доказать, что обгадили тебя намеренно. Если вам нарисовать доллар на туалетной бумаге, у вас же не возникнет сомнений, что он не настоящий. И уж тем более вы не пойдете в суд доказывать, что это подделка! Так почему на откровенную ложь в газете надо подавать в суд? Есть чем заниматься и без этого. Своих дел, огрехов и подвигов хватает! Чужих, и тем более придуманных, — не надо!

Я никогда не был сторонником обсуждения слухов, сплетен и клеуз. Но вот свое отношение к этим клеузам я вам выскажу. Оно довольно простое, но может показаться вам несколько неожиданным. Мне все это напоминает повторение кампании массовых доносов 1937 года. Зачем тогда писали доносы? Кто-то хотел занять место того, на кого он писал. Кто-то преследовал другую цель. Сегодня то же самое: мы имеем массу публичных доносов от внутренних и внешних заказчиков.

— Говорят, что у вас много государственных наград. Если не тайна, то сколько

именно? И правильно ли я понимаю, что несколько дней назад исполнилось 20 лет, как вы получили Звезду Героя?

— Много или мало у меня наград — это не мне судить. Вообще, у нас при жизни не принято обсуждать такие вещи. Если я скажу, что наград у меня мало, то все скажут: какой наглец! Если я скажу, что много, люди скажут: посмотрите на него, он хвастается! У меня нет наград «ко дню рождения». Все они для меня очень дороги и почетны. Особо горжусь орденом, которого сейчас уже нет, — «За личное мужество». Горжусь Звездой Героя, которой действительно 20 лет.

У многих моих подчиненных в Министерстве обороны больше наград, чем у меня. И такое положение дел я считаю совершенно правильным. Своевременная и справедливая оценка труда подчиненных — моя прямая обязанность. Но если вас интересует, то за время работы министром обороны я получил две государственные награды и горжусь ими.

— Чем занимается ваша семья — супруга и дочери?

— Я не сторонник того, чтобы пускать кого-то в свою личную жизнь. И, при всем уважении к вам, вас я тоже туда не пущу. Скажу лишь то, что члены моей семьи живут вполне нормальной, достойной жизнью, занимаются делом, которое они любят. Конечно, им никогда не было просто. Представьте себе, что за время моей службы одна моя дочь поменяла шесть школ в разных городах, а другая — четыре школы. Говорить о том, что у них была сладкая жизнь рядом с отцом, не приходится. Очень горжусь своими дочерьми.

— А правда ли, что вы ввели в Министерстве обороны «сухой закон»?

— Это сложно сделать в любом министерстве. В моей практике было, конечно, несколько случаев введения «сухого закона». Такие случаи были в Нефтегорске на Сахалине, в Ленске, когда надо было выполнить поставленную президентом задачу по возведению жилья для пострадавших в результате наводнения более чем 40 тысяч человек за 100 дней...

Что же касается Министерства обороны, то я просто не употребляю сам вообще. А оборонное ведомство — это такая структура, в которой берут пример с руководителя. Постепенно у нас все это распространяется на все звенья.

— Вы играете в хоккей и, по слухам, не сдерживаете эмоций. А как вы поступаете в случаях, когда на вас нападает президент или кто-то из «олимпийских»?

— Ни президент, ни кто-то из «олимпийских» на меня не нападают, потому что мы с ними играем в одной команде. Что касается членов команды-соперника, то это, конечно, другое дело. Хоккей есть хоккей, игра есть игра. Но те, с кем мы играем, это люди, которые понимают: хоккей, это не основная наша работа и не основное наше занятие. Наши головы — рабочий инструмент. Это не «парные органы», их надо беречь. Мы, естественно, никогда не станем профессиональными хоккеистами. Но нам нравится играть в хоккей, нам в принципе нравится заниматься спортом. Для нас игра в хоккей — это прежде всего коллективное общение, это раздевалка, это разговоры, общение после хоккея, до хоккея, это обсуждение спортивных новостей. Когда в НХЛ каникулы, то с нами обычно играют Овечкин, Малкин, Ковальчук... Игра с ними напоминает анекдот: «Как пройти на Дерибасовскую?» — «Идите прямо, и она сама вас пересечет...» Так и здесь: рассекай себе спокойно на коньках, и шайба сама к тебе прилетит.

2016 год, тройка нападающих: Евгений Малкин, Сергей Шойгу, Александр Овечкин. Фото: mil.ru

Играть с легендами — это, конечно, потрясающе! Какую гамму эмоций испытываешь, когда сидишь на одной скамейке с Александром Сергеевичем Якушевым. Чтобы посмотреть на его игру, скажем, в серии-1972, я пешком проходил по нескольку километров и хозяину телевизора выкапывал за просмотр матча несколько мешков картошки на его участке. Сейчас Александру Сергеевичу за 70, но он по-прежнему выходит на лед, и он красавец.

— А находится ли у вас время общаться со старыми друзьями? И если да, то кто они?

— Конечно, я общаюсь со старыми друзьями. Не так часто, как хотелось бы, но общаюсь. Правда, кого-то уже нет в живых. Так случилось, что я в довольно молодом возрасте уже руководил стройками. И моими друзьями и учителями тогда, как правило, были люди постарше. Я очень дорожу отношениями с ними и воспоминаниями о совместной работе. И, когда я приезжаю в те края, обязательно с ними встречаюсь.

1987 год. Предприятие «Абаканвагонмаш». Сергей Шойгу, председатель Госстроя СССР Юрий Баталин, министр тяжелого и транспортного машиностроения СССР Сергей Афанасьев. Фото: mil.ru

Скоро будет 30 лет с тех пор, как я стал членом Правительства России. Ценю отношения с Виктором Степановичем Черномырдиным и Евгением Максимовичем Примаковым. Считал и

считаю их своими старшими товарищами и во многом учителями. Конечно, у меня здесь за это время появилось много друзей. С Сергеем Лавровым мы часто вместе отдыхаем, вместе занимаемся спортом и обсуждаем при этом все наши дела. Он, кстати, всегда источник и замечательный рассказчик самых свежих анекдотов.

За годы моей работы в Минобороны у нас сформировалась прекрасная команда из моих заместителей, где каждый на своем участке ответственности настоящий профессионал и надежный друг. Особо доверительные отношения у нас с Валерием Герасимовым. Очень мудрый человек и мой товарищ.

Без друзей нельзя. Друзья должны быть. Мои близкие друзья — Юра Воробьев и Руслан Цаликов, которых я очень ценю. Юра сейчас — заместитель у Валентины Ивановны Матвиенко в Совете Федерации, с которой я тоже много лет дружу.

— А какова самая главная мечта министра обороны России?

— Вернуться в Сибирь. Это моя главная мечта. И я убежден, что она будет реализована. Хочу вернуться во времена моей молодости. У меня большая ностальгия по Советскому Союзу — не по каким-то отдельным лозунговым вещам, а по тому настроению, по тому духу, который царил тогда в те времена, особенно в тех местах. Когда в Братске люди стояли часами на морозе, под открытым небом, чтобы послушать стихи Евгения Евтушенко, поэму «Братская ГЭС». Он срывал себе голос, там микрофонов не было, а женщины вытирали слезы... «гордый дух гражданства». Очень часто об этом думаю, очень часто поправляю себе настроение воспоминаниями о тех временах.

В нашей нынешней жизни, к счастью, вновь есть место для реализации таких больших проектов, какими были когда-то Комсомольск-на-Амуре, Красноярская и Саяно-Шушенская ГЭС, Байкало-Амурская магистраль, большие комплексы в Иркутской области, Братская ГЭС. Без реализации подобных проектов сложно прививать молодежи чувство созидания. Вспомните, как искренне люди ехали на все эти стройки!

Я очень хочу вернуться в Сибирь и построить там один, а лучше еще два города! И верю, что моя мечта осуществится!

Подпишитесь на наш канал в Яндекс Дзен: самые яркие новости дня.

Михаил Ростовский

Заголовок в газете: Сергей Шойгу: «Мы сразу договорились — надо прекратить врать!»

Опубликован в газете "Московский комсомолец" №28082 от 23 сентября 2019 Тэги: **Власть** Персоны: **Сергей Шойгу, Владимир Путин** Организации: **Армия Совет Федерации Министерство обороны НАТО** Места: **Россия, США, Ирак, Афганистан, Турция, Япония, Израиль**

© ЗАО "Редакция газеты "Московский Комсомолец" Электронное периодическое издание «МК.ru»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство Эл № ФС77-45245 Редакция - ЗАО "Редакция газеты "Московский Комсомолец". Адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1. Телефон: +7(495)609-44-44, +7(495)609-44-33, e-mail info@mk.ru. Главный редактор и учредитель - П.Н. Гусев. Реклама третьих сторон

Все права на материалы, опубликованные на сайте www.mk.ru, принадлежат редакции и охраняются в соответствии с законодательством РФ. Использование материалов, опубликованных на сайте www.mk.ru допускается только с письменного разрешения правообладателя и с обязательной прямой гиперссылкой на страницу, с которой материал заимствован. Гиперссылка должна размещаться непосредственно в тексте, воспроизводящем оригинальный материал mk.ru, до или после цитируемого блока.

Для читателей: в России признаны экстремистскими и запрещены организации «Национал-большевистская партия», «Свидетели Иеговы», «Армия воли народа», «Русский общенациональный союз», «Движение против нелегальной иммиграции», «Правый сектор», УНА-УНСО, УПА, «Тризуб им. Степана Бандеры», «Мизантропик дивижн», «Меджлис крымскотатарского народа», движение «Артподготовка», общероссийская политическая партия «Воля». Признаны террористическими и запрещены: «Движение Талибан», «Имарат Кавказ», «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ), Джебхад-ан-Нусра, «АУМ Синрикэ», «Братья-мусульмане», «Аль-Каида в странах исламского Магриба».